

Сходство таких понятий как «дискурс», «речь» и «текст» широко обсуждается и не теряет своего интереса. Зачастую эти категории разграничивают по оппозиции *письменный текст vs. устный дискурс*, что сводит данные термины к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо [3]. Такой подход является наиболее формальным для исследования языка и речи.

Некоторые лингвисты расценивают дискурс как интерактивный способ речевой деятельности, противопоставляя его тексту, который обычно принадлежит одному автору, что сходно с оппозицией *диалог vs. монолог*. Последнее сравнение условно, ведь явным показателем языковой активности принято считать диалог.

Многие исследования, являющиеся функционально ориентированными, дают возможность проследить тенденцию к противопоставлению дискурса и текста в отношении оппозиции: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность. Становится допустимым различать структурный *“text as product”* и функциональный *“discourse as process”* [5, с. 24].

Другой подход к определению дискурса сформулировал В. В. Богданов [2], исследуя речь и текст как два аспекта дискурса. Такой подход дифференцирует речь как языковое явление, которое не всякий раз возможно перекодировать в письменную, и текст, который не возможно озвучить. Следовательно, дискурс воспринимается как все, что говорится и пишется, как речевая деятельность и как языковой материал [4, с. 29], имеющий звуковую и графическую форму. Текст, в узком смысле, подразумевает некий языковой материал, который зафиксирован на определенном носителе. Отсюда следует, что речь и текст являются своего рода подразделами дискурса как родственной категории [2]. Приведенный подход достойный особого внимания лишь потому, что дает обобщающую характеристику понятию «дискурс». В нем не существует оппозиций и разграничений по признакам.

Употребление понятия «дискурс» относительно родственных категорий «речь», «текст» и «диалог» является наиболее приемлемым, чаще встречаемым в лингвистической литературе. Следует отметить, что широкой трактовке категории «дискурс» отдается должное внимание и не меньшее предпочтение в других гуманитарных и социальных дисциплинах.

На выбор доминирующей трактовки содержания термина «дискурс» влияют общепринятые научные традиции, ведь определенные институты воспринимают абсолютно открыто теорию и практику дискурса, в то время как другие занимаются лишь письменными текстами или повседневной речью.

Выводы. В различных теориях и практике дискурса доминирующее положение занимают следующие трактовки:

- дискурс как совокупность двух и более предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом;
- дискурс как любое употребление языка;
- дискурс как совокупность функциональных и контекстуальных единиц языка.

Допустимо различие текста как продукта языковой деятельности, а дискурса как процесса. Следовательно, дискурс – это текст во всей полноте его коммуникативных связей. Такое понимание близко трактовке дискурса как коммуникативного явления между говорящим и слушающим, некоего процесса, происходящего в определенное время и в определенном контексте.

Литература

1. Бисмалиева, М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Бисмалиева // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 78-85.
2. Богданов, В. В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство / В. В. Богданов // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 26 - 31.
3. Макаров, Михаил Львович. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
4. Щерба, Лев Владимирович. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
5. Brown, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge University Press, 1988. – 415 p.
6. Schiffrin, Deborah. Approaches to Discourse: Language as Social Interaction / D. Schiffrin. – Oxford: Cambridge: Wiley, 1994. – 470 p.

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в рассмотрении различных подходов к определению понятия «дискурс» относительно родственных категорий «речь», «текст» и «диалог». В статье представлены основные особенности дискурса и их роль в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: дискурс, текст, речь, диалог.

Summary. Research relevance lies in the examination of different approaches to the definition of the term “discourse” concerning related categories of speech, text and dialogue. The article presents main features of the “discourse” and its role in the communicative process.

Key words: discourse, text, speech, dialogue.

УДК 37.041.33:811.111

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ДЕТЕКТИВ

Абляметова С. Р.

Научный руководитель: Каменская И. Б.

Постановка проблемы. На современном этапе развития литературы детектив имеет множество определений. Исследователями используются различные альтернативы данного жанра: триллер, шпионский роман, приключенческая литература, криминальный роман и т.д. Подобное разнообразие вызывает путаницу среди читателей и ошибочное приписывание жанра детектив другим литературным произведениям. В данной статье разграничим основные характеристики детектива как самостоятельного жанра в современной науке.

Анализ научно-исследовательских публикаций. Детективный жанр привлекает внимание не только читателей, но и литературоведов, лингвистов и литературных критиков. На сегодняшний день мы имеем работы таких исследователей, как Т. Г. Ваголина, Л. С. Крюкова, С. В. Лесков, Е. Н. Меркулова, Р. Р. Теплых, Д. А. Шигонов, Э. Ф. Щербина. Споры относительно специфики детективного жанра занимают исследователей и по сегодняшний день. Не утихают вопросы и по поводу зарождения жанра,

которыми занимались такие исследователи, как А. Вулис, Т. Кестхей, Я. Маркулан, Р. Нокс, Дж. Симонс, Р. Б. Юстес.

Цель статьи – раскрыть базовые характеристики детективного жанра в современной научной парадигме.

Изложение основного материала. При рассмотрении жанра детектив укоренилось изучение основных его элементов: выявление преступления, убийства; поиск улик, показаний; собственно расследование, разоблачение; доказательство решения [4].

Французский литературовед Режи Мессак определяет детектив как: «...повествование, посвященное прежде всего методическому и последовательному раскрытию с помощью рациональных и научных средств точных обстоятельств таинственного события» [3, с. 127]. Только благодаря дедуктивному мышлению, по мнению исследователей, возможно разграничение детектива от любого другого художественного произведения.

Изначально в детективе происходит преступление, убийство, которое меняет ход событий, затем появляется сыщик и его спутник-хроникер. Последний представляет собой человека незаурядного ума, в уста которого вложена повествовательная роль (капитан Гастингс, доктор Уотсон).

Для классического детектива характерно преступление, совершенное из-за недостатков социального общества, движущей силой которого являются деньги. Данная проблема нашла свое отражение в работах многих авторов детективного жанра.

Основная роль в детективе принадлежит сыщику, человеку, обладающему исключительными способностями, совершаемому несравненным поступкам, подвергаясь при этом смертельной опасности. Главная его цель – поймать преступника и защитить невиновных. Стоит также отметить, что время теряет свою силу по отношению к сыщику. Созданные образы не теряют энергии и бодрости духа на протяжении всей творческой деятельности писателя, они как бы застывают навечно во времени, вновь и вновь появляясь перед читателем [4].

Сыщик – безупречный джентльмен, который выискивает улики, словно собирая редчайшие экспонаты для своей коллекции сокровищ. Решение «дела» для него личный интерес и игра с собственным интеллектом, в процессе которого сыщику дается возможность блеснуть своими способностями. Огюст Дюпен презирает полицию, а Шерлок Холмс охотно поучает «тупоголовых» инспекторов из Скотланд-Ярда. Эркюль Пуаро, будучи полицейским, соглашается сотрудничать с полицией, но лишь с целью насмешки над ними, прикрываясь хорошими манерами. Джейн Марпл также не отказывается прибегнуть к помощи официальных органов, но лишь тогда, когда она может предложить им вполне решенную задачу [3, с. 195].

Сопровождает великого сыщика добрая личность, стоящая вне всяких сомнений и подозрений, добрый друг и его доверенное лицо. Обычно это партнер для беседы, хроникер, не обладающий блеском ума, как наш Великий Детектив. Противопоставлен мастеру, весьма простоват, однако в редчайших случаях подталкивает сыщика на правильный путь раскрытия преступления. У Шерлока Холмса – доктор Уотсон, у Эркюля Пуаро – капитан Гастингс.

Любой литературный жанр способен исказиться под пером писателей, и детектив в данном случае не является исключением. Детектив не рассматривает за собой сентиментальности или приторности, но все же содержит в себе некие элементы романтики, переплетенные с самообладанием и размышлениями.

В начале становления жанра детектив сыщика привлекал любой случай: кража, мошенничество, разгадка таинственного происшествия. С течением времени предметом расследования могло стать только убийство, однако авторы позволяли себе разбавить детектив менее страшными историями [2].

Часто художественное произведение является антропоцентричным, но следует отметить, что человек не всегда стоит в центре детективного повествования. Предметы, вещи или обстоятельства берут вверх над человеком и во множестве случаев решают его судьбу. Иерархия человека и предмета нарушается. В определенной ситуации отпечаток пальца, капля крови, окурок сигареты, сдвинутый стол окажутся важнее, чем действующее лицо [4].

Самой главной отличительной чертой детектива является тайна. Именно это и разграничивает любую другую развлекательную литературу от детективных историй. Собственно уровень тайны и ее разгадка определяют жанр, качество произведения, ее автора. Без тайны невозможно расследование, а без расследования и нет детектива [1].

Тайна в детективе требует за собой разоблачения, а это невозможно без наличия улики (“clue”) [3, с. 172]. Для решения загадки, хорошие улики имеют большое значение. Они могут вести читателя, как в правильном, так и в ложном направлении, и держать в напряжении на протяжении всего повествования, до кульминационного момента. Некоторые улики убийца оставляет умышленно, дабы сбить с верного пути. Присутствие категории «тайна» и ее разгадка являются неотъемлемым элементом детектива, отделившего его в самостоятельный жанр.

Окончательным завершением действия в детективе считается поимка и арест преступника. Однако это не кульминация. За разоблачением обязательно следует объяснение, доказательство, что и является самой интересной, содержательной частью истории [1].

Еще один, весьма интереснейший элемент детектива, используемый не всеми писателями данного жанра, метод введения интермедии. Этап между заключением и изобличением. Обычно это проигрывание преступления от начала до конца с использованием всех подозреваемых, проводимое с целью запугивания настоящего убийцы, который по неосторожности может выдать себя. Данная интермедия – также важный элемент действия, присущий только детективу [2].

Выводы. Детектив является одним из популярнейших жанров массовой литературы, имеющий непрерывный рост читателей, что обусловлено характерной композиционной структурой: завязка (тайна, преступление); расследование (кульминация); разоблачение (развязка). Помимо выше сказанного, в детективе прослеживается четкое разграничение положительных (сыщик и его спутники) и отрицательных (преступник и его сообщники) героев. Несмотря на схожесть жанра с другими литературными

направленнями, детектив представляє собою незалежний феномен в научній парадигмі, який має власну структуру, систему персонажів і власного читача.

Література

1. Булычева В. П. Структурно-композиційні особливості детективного жанру / В. П. Булычева // Актуальні питання філологічних наук: матеріали II міждунар. науч. конф. июль 2013 г., г. Чита. - Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. - С. 32-38.
2. Вольский Н. Н. Легкое чтение: Работы по теории и истории детективного жанра / Николай Николаевич Вольский. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. - 280 с.
3. Кестхейт Т. Анатомия детектива. Следствие по делу о детективе / Тибор Кестхейт. - Будапешт: Корвина, 1989. - 272 с.
4. Строев А. Ф. Как сделать детектив / Александр Федорович Строев. - М.: НПО «Радуга», 1990. - 320 с.

Аннотація. Данная статья рассматривает основные характеристики детектива как самостоятельного жанра в современной научной парадигме. Актуальность исследования заключается в наименовании базовых структурных элементов жанра «детектив», зафиксированных в работах ученых, имеющих общепризнанное значение.

Ключевые слова: детектив, жанр, специфика.

Summary. This article considers the main characteristics of the detective as an independent genre in the modern scientific paradigm. Research relevance lies in the naming of the basic structural elements of the genre “detective”, fixed in the works of scientists with a widely recognized meaning.

Key words: detective, genre, specificity.

УДК 821.161.2'32.09

ФУНКЦІОНУВАННЯ МЕДИЧНОЇ ЛЕКСИКИ У ПУБЛІЦИСТИЦІ ІВАНА БАГРЯНОГО

Англєєва К. М.

Науковий керівник: Картава Ю. К.

Постановка проблеми. У публіцистичному доробку Івана Багряного надзвичайно часто вживається медична лексика. При цьому, безумовно, автор використовує її в переносному, метафоричному значенні з певною стилістичною метою. У мові публіцистики Івана Багряного термін пройшов складний лексико-семантичний процес – детермінологізацію, унаслідок якої він втрачає свою строгу концептуальність, системність, однозначність і набуває прагматичних властивостей, яких він раніше був позбавлений, тобто виникає нове слово з термінологічним значенням, яке вимагає вже не дефініції, а тлумачення.

Науковці неодноразово зверталися до вивчення медичної лексики. На сьогодні з'ясовано широке коло питань, що стосується мовностилістичних, прагмалінгвістичних складників публіцистичних творів Івана Багряного, висвітлено специфіку використання в них медичної лексики, схарактеризовано особливості ідеологічних настанов автора та їх мовне вираження (М. Балаклицький, М. Братусь, О. Клещова, О. Ярова).

Метою статті є дослідження медичної лексики у публіцистичних творах Івана Багряного.

Основний матеріал дослідження. Значне місце в публіцистиці Івана Багряного займає лексика, що стосується медицини й суміжних наукових сфер.

Як правило, лексика цієї тематичної групи вживана в образному, переносному значенні, а не у власне медичному. Пов'язане це з тим, що публіцист сучасне йому суспільство часто ототожнює з хворим організмом. Конкретні приклади яскраво демонструють цю властивість публіцистичної мови Івана Багряного.

Використовує публіцист у своїх текстах і назву страшної хвороби *гангрена*. Пишучи про розбрат, занепад в українській еміграції тих часів, Іван Багряний зазначає: „*Та гангрена, яка побила український суспільно-політичний організм на еміграції, має загрозливі розміри*” [1, с. 107]. Як відомо, гангрена виявляється у змертвінні певних органів чи частин тіла. Недарма тут письменник уживає вираз *суспільно-політичний організм*. Він увиразнює публіцистичний текст Івана Багряного [1, с. 205].

Перелік назв конкретних хвороб характеризує критичність фізичного стану людини. З одного боку, медичне тлумачення назв у спеціальних словниках, а з іншого – художнє сприймання, опис хвороби. Ось, наприклад, письменник згадує про параліч: „*На голові почало ворухитися волосся. Це ж неминучий параліч! Це ж його чекає неминучий параліч!!! Боже мій!...*” [1, с. 167].

Тлумачення змісту лексем є однією з характерних ознак стилю Івана Багряного. Характеризуючи загальний стан персонажа, письменник послуговується власне медичними термінами: *агонія, анабіоза, гарячка, корчі, конвульсія* [1, с. 168]. Стан „душевної і духовної анабіози” конкретизується наявністю інших станів, відбитих у назвах: *отупіння, трагічний рух, страх*. Порівняймо: „*Хоч для Максима воно вже сталося й навіть вивело його зі стану душевної анабіози. Щось стрясалося грандіозне, що не давалося так просто схопити розумом. Це був якийсь стан духовної анабіози, отупіння, трагічного руху за інерцією, супроти власної волі, - руху від страху*” [1, с. 178].

Лексеми на позначення хворобливого стану виявляються у таких конструкціях: в одних назва хвороби виступає суб'єктом дії, в інших вона знаходиться у причині. Наприклад: „*В напруженому чеканні тремтіли від голоду чи, навпаки, від нервової гарячки. Голодні шлунки даремно були розхвилювані, спровоковані тією ложкою каші і увігнати в марні, розпачливі корчі, результатом чого було несамовите куріння тих, хто мав що курити, либонь, схлипнув від болочого корчу, що хапає за горло*” [1, с. 21].

Як правило такі лексеми, як *голод, спрага (жага)*, наявні в описі людських страждань. Вони об'єднують назви на позначення фізичних потреб, того мінімуму, який необхідний для існування людини. Термін „голод” уживається в словосполученні „тайговий голод”, в якому ознака вказує на місце. У досліджуваних текстах Івана Багряного утворюється лексико-семантичне поле „страждання”. Висока частота епітетної сполучуваності властива словам *мука, страждання, біль* [3, с. 8]. У лексико-семантичних варіантах цих слів значення стосуються мовного вираження морального та фізичного страждання людини. Взаємодія цих двох лексико-семантичних планів поглиблюється через метафоризацію ознак у художньому описі. Звертається письменник і до різноманітних семантико-синтаксичних конструкцій, завдяки яким урізноманітнюється зображення стану людини. У цих конструкціях зображено епітети: *Потім прийшов голод. Раптовий і лютий, він вимагав удоволення... або він хоче пити. Пекельна спрага палить його з нутра, але він мовчить,*